

ЭТО МОЯ ШКОЛА

К МОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Есть старая пословица: «Скоро сказка сказывается, но не скоро дело делается».

Но нередко бывает и так, что скоро дело делается, да не скоро сказка сказывается.

Пока писалась и печаталась эта книга, в школьной жизни кое-что изменилось. Школа, о которой здесь рассказывается, стоит на том же самом месте, что и раньше. Только теперь там учатся не одни девочки, а также и мальчики. Школьники проходят те же самые предметы. А вот экзаменов стало меньше.

Но по-прежнему ребята учатся, устраивают пионерские сборы, мастерят, издают свою газету, веселятся на школьных каникулах. По-прежнему каждый день приносит с собой в класс и счастье крепнущей дружбы, и преодоление новых трудностей, и горечь неудач, и радость достигнутых успехов.

О том, как жили и росли изо дня в день в продолжение одного школьного года Катя Снегирева и ее друзья, и рассказывается на страницах этой повести.

Елена Ильина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОПЯТЬ В ШКОЛУ

Солнце грело, точно летом. Только деревья стали пестрыми — к их зелени примешались желтые и красные листья.

Как в летний день, человек в фартуке, шаг за шагом передвигаясь по дорожке бульвара, подтягивал за собой тугой черный шланг. Из шланга с шумом вырывалась вода, играя в лучах разноцветными брызгами, и над струей стояло что-то вроде маленькой радуги.

По залитому солнцем бульвару шли две школьницы.

— Ну вот, мы уже и в четвертом! — говорила Катя Снегирева, шагая рядом с подругой. — А я ведь только сейчас по-настоящему этому поверила. Летом, когда меня спрашивали, в каком я классе, я и сама не знала, что сказать — не то в третьем, не то в четвертом. А вот теперь мы с тобой, Анька, и в самом деле идем в четвертый класс, в четвертый «А». Здорово!

— Еще бы! — сказала Аня Лебедева, стараясь идти в ногу с Катей и размахивая обеими сумками — своей и Катиной. — Первая буква из всех букв! А раз первая, значит, и наш класс — первый из всех четвертых. Верно, Катя?

Катя несла обеими руками большой пестрый букет. От осенних цветов и листьев пахло сырой свежестью земли.

— Буква тут ни при чем, — сказала Катя, вдыхая на ходу этот легкий, едва уловимый запах. — По-твоему,

выходит, что четвертый «Д» должен быть на последнем месте? Нет, тут не в букве дело. Главное — какой класс! С четвертого уже экзамены пойдут! Знаешь, я экзамена по русскому письменному не боюсь, я только арифметики боюсь...

— А я — наоборот! — сказала Аня. — Я согласна на пять уроков арифметики подряд, только бы не было русского письменного... Почему это так? Мы с тобой подруги, с первого класса на одной парте сидим, а у нас все по-разному.

— Не знаю, — ответила Катя. — Давай, Аня, я тебе буду каждый день диктовку диктовать, а ты мне каждый день задачу задавай. Хочешь? И давай дружить до десятого класса! То есть, что я — «до десятого»!.. И потом тоже.

— Всю жизнь?

— Всю жизнь.

— Ну, это другое дело. А то если только до десятого, тогда какая же это дружба!

Позади послышались голоса, смех, чьи-то торопливые шаги. Девочки оглянулись. Вслед за ними шли девушки, почти совсем взрослые, и тоже несли большие букеты цветов. В этой веселой, пестрой толпе Катя увидела свою старшую сестру Таню. Таня была еще в своем школьном платье, но уже без передника.

— Таня, а ты не опоздаешь? — спросила Катя, когда девушки подошли ближе. — Тебе же надо в институт.

Слово «институт» казалось ей таким новым, интересным, красивым. Подумать только — Таня уже в институте! А давно ли она с Катей ходила в одну и ту же школу и бабушка обеим давала перед уходом по одинаковому пакету с завтраком!

— В институт мне к десяти, — ответила Таня и озабоченно взглянула на свои ручные часики. — А вот вы, девочки, пожалуй, и в самом деле опоздаете — скоро восемь.

И Таня прошла вперед — под руку со своей подругой Лидой.

— Куда это они? — спросила Аня.

— В школу. В нашу школу.

— Вот странно! — удивилась Аня. — Разве окончившие тоже должны быть сегодня в школе?

— Нет, конечно, не должны, — сказала Катя. — Но я бы на их месте непременно пошла. Вчера Таня говорит нашей бабушке: «Десять лет каждый день ходила в школу — и вдруг завтра не идти. Даже грустно». Вот они и сговорились в первый день занятий побывать у себя в школе, то есть у нас в школе, — понимаешь? Давай, Аня, когда мы кончим десятый класс, мы тоже пойдем первого сентября в школу.

— С часиками? — спросила Аня. — Как у Тани?

— Ну конечно! Ведь у взрослых всегда бывают часы. Ой, Аня, — спохватилась Катя, — мы с тобой говорим про часы, а сами про часы и забыли! Давай бегом!

И девочки пустились бежать по бульвару, обгоняя друг друга.

Мостовая между бульваром и панелью была вся разворочена. Трамвайные рельсы были сняты, и машина, немножко похожая на трактор, укатывала своими тяжелыми широкими валиками черный, еще совсем мягкий, дымящийся асфальт.

Сверху слышался четкий перестук молотков — это рабочие устлали крыши домов новыми железными листами. Деловитый звонкий стукоток будто напоминал девочкам, что сегодня их первый рабочий день.

Школьный двор был похож издали на цветник — столько цветов принесли с собой школьницы. Цветник шевелился и гудел. Широкие, чисто протертые окна поблескивали стеклами, свежесмытые стены казались голубоватыми.

Пробираясь сквозь толпу девочек в коричневых платьях и парадных, только что выглаженных передниках, Катя подняла выше свой букет, чтобы не помять цветов и листьев.

— Где же наши?

— Да что-то не видно... Четвертый «Б», четвертый «В»... Ах, да вот же они! — закричала Аня. — Вон и Людмила Федоровна! Смотри, Катя!..

— Где?

— Да вон, в конце двора.

Катя взглянула туда, куда показывала Аня, и сразу узнала светлые пышные косы, венком лежащие вокруг головы. Это она, Людмила Федоровна! Около нее толпятся девочки. Ее почти не видно, но Катя не столько увидела, сколько угадала знакомую улыбку блестящих серых глаз. Во всей школе нет учительницы красивее и веселее Людмилы Федоровны.

— Людмила Федоровна! Здравствуйте, Людмила Федоровна! — еще издали закричали Катя и Аня.

Учительница обернулась к ним:

— Катюша, Аня! Здравствуйте, девочки!

Школьницы, стоявшие вокруг, расступились. Людмила Федоровна обняла сразу обеих — Катю и Аню. Потом слегка отстранила их от себя и, чуть прищурив светлые, с черным ободком глаза, внимательно оглядела девочек по очереди.

— Выросли, загорели, — сказала она. — Косы у Анечки еще длиннее стали. А у тебя, Катюша, совсем выгорели на солнце. Зато сама ты стала коричневая, как желудь. Спасибо, Катенька, за письма. Молодец — ни одной ошибки!

Людмила Федоровна, слегка склонив голову набок, смотрела на своих девочек. Давно ли она встречала их — маленьких первоклассниц — на этом самом дворе? Давно ли, кажется, вот эта кудрявая девочка, Валя Ёлкина, была такая крошечная, что ее почти не видно было из-за парты? И давно ли эта загорелая светловолосая Катя Снегирева сказала на самом первом уроке: «Тетя, я хочу домой»?

А теперь все они — большие школьницы, пионерки. Кончают начальную школу. В будущем году в этот день пойдут уже в пятый класс...

Кате на минуту показалось, что Людмила Федоровна чем-то озабочена. Но нет, она такая же, как всегда, — улыбающаяся, бодрая, приветливая.

— А вот и наша новенькая, — говорит Людмила Федоровна своим низким, немного хрипловатым голосом и притягивает к себе круглолицую румяную девочку. — Познакомьтесь. Оленина.

— Наташа, — подсказала девочка.

— Наташа Оленина, — повторила Людмила Федоровна. — Сегодня она у нас новенькая, а завтра уже будет, как и вы все, старенькая.

Все засмеялись — не потому, что учительница сказала что-нибудь очень смешное, а просто потому, что хотелось смеяться. Новенькая смутилась и стала еще румянее. Она искоса поглядывала на свою новую учительницу.

— Ну что же ты, Наташа? Иди знакомься со своими будущими подругами, — сказала Людмила Федоровна, оборачиваясь к другим девочкам.

Но Наташа продолжала стоять на месте. Ни она, ни девочки не решались заговорить друг с другом.

Кате стало обидно за эту краснощекую молчаливую девочку, и она подошла к ней первая.

Тем временем по двору длинной цепочкой двинулись самые маленькие.

— Малыши идут, — сказала Катя. — Посмотри, Наташа, до чего они важные!

Впереди, оборачиваясь на ходу, шли учительницы с красными бантами на груди, и каждая вела за собой свой новый класс — 1-й «А», «Б», «В», «Г».

— Не бойся, дочка, не бойся! — говорила вслед уходящей первокласснице ее мама. — Девочки такие славные, учительница такая хорошая...

Первоклассница оглядывалась на мать, волоча чуть ли не по земле свой новый портфель.

— Вот смешные! — сказала Катя, провожая глазами первоклассниц. — У меня маленький братишка тоже се-

годня пошел в школу первый раз. Ночью весь дом разбудил — боялся проспать. На часах без четверти шесть, а он думал — половина девятого.

— А кто у тебя еще есть? — спросила шепотом Наташа.

— Сестра старшая, мама, бабушка и папа. А у тебя кто?

— Нас с мамой только двое, — сказала Наташа. — Папу на войне убили. Перед самой победой, за один день. Я тогда еще маленькая была.

Катя смотрела на новенькую, не зная, что сказать. Она смутилась, словно была виновата в том, что у нее есть и папа, и мама, и бабушка, и сестра, и брат, а у Наташи никого нет, кроме мамы.

«Еще хорошо, что я о тетях и дядях не сказала», — подумала Катя. И, помолчав, спросила:

— А ты к нам из какой школы перешла?

Наташа покраснела.

— Я не перешла, — сказала она. — Я в этой же школе училась... Вот мой бывший класс. Теперь он — пятый «Б». Только это я не сама осталась — меня мама оставила. У меня была операция, аппендицит. Потом — корь. Вот мама и решила оставить меня на другой год.

— Ну, не беда! — уверенно сказала Катя. — Раз болела, значит, не второгодница. Каждый заболеть может. Новенькая — и все!

Наташа посмотрела на Катю благодарными глазами и тихо сказала:

— Ты-то понимаешь, а другие не понимают. Нельзя же каждому объяснять, что болела. А они еще спрашивают: «Почему же ты такая румяная?» А если я от природы такая?

— Ничего, — сказала Катя, — я за тебя всем объясню — и почему осталась и почему румяная.

Она хотела еще что-то сказать, но в эту минуту Людмила Федоровна велела классу построиться в пары, и все пришло в движение. Наташа Оленина отошла в сторонку. Катя кивнула ей:

— Пойдем со мной. — И, оглянувшись, позвала: — Аня! Где ты?

Аня не отозвалась, будто не слышала. Она стояла позади, рядом с белобрысенькой Тоней Зайцевой, с которой никогда не дружила, и все еще держала в руках обе сумки — свою и Катину.

— Аня! — еще раз окликнула ее Катя.

Аня не отвечала.

«Обиделась, — поняла Катя. — Ах, какая!..»

Она хотела было объяснить Ане, что вовсе и не думает всегда ходить с новенькой и что она только для того стала с ней рядом, чтобы не оставить ее в первый день одну среди чужого, незнакомого класса. Но колонна тронулась, и разговоры прекратились. Девочки молча пошли вверх по широкой лестнице.

Все кругом было какое-то новое, праздничное. Стены в этом году выкрасили в бледно-желтый цвет, похожий на сливочное мороженое. В прошлом году они были светло-зеленые, и это очень нравилось Кате. Но теперь ей больше нравились «сливочные» стены.

На первой же площадке школьниц встречала Вера Александровна, директор, — высокая седая женщина, гладко причесанная, в очках. А рядом с ней стояла Катина сестра, Таня, со своей подругой.

Проходя мимо директора, девочки от смущения на секунду задерживались и, сказав: «Здравствуйте, Вера Алексанна!» — быстро проходили дальше.

Вера Александровна наклоняла в ответ свою седую голову:

— Здравствуйте, здравствуйте, девочки! — И добавляла, слегка улыбаясь: — Только не спешите так, не бегите. Спокойнее, спокойнее...

И девочки шли дальше, поднимаясь по ступенькам все выше и выше.

Катя посмотрела через перила верхней площадки на нижнюю. Таня и Лида стояли рядом с директором. И первый раз в жизни старшая сестра показалась Кате совсем взрослой.